

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Стерефонический транзисторный радиоприемник высшей группы сложности «Ленинград-015 Стерео» завоевал симпатии покупателей.

Принимает передачи в диапазонах ДВ, СВ1 и СВII, КВУ и УКВ волн. Имеет электронную настройку на всех диапазонах, автоматическое и ручное переключение режимов «моностерео—псевдостерео» и другие сервисные устройства. Питание универсальное: от сети переменного тока или шести элементов типа «373».

Цена — 255 руб.

ЦКРО «Радиотехника»

ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонёк», 1989. № 8, 1—32.

ОГОНЁК

№ 8

1989

*Наталья
КРАНДИЕВСКАЯ-
ТОЛСТАЯ*

ЛИРИКА

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК № 8

Наталья КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

ЛИРИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Наталья КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

(1888—1963)

Есть поэтические судьбы, не укладывающиеся ни в какие представления о закономерностях литературного процесса. При жизни поэзию Крандиевской-Толстой знал лишь узкий круг ценителей. Зато каких! Бунин, Блок, Горький, Чуковский, Маршак, Слуцкий...

Впрочем, знал ли? В 17 лет она писала:

*Я шла пустыней выжженной и знойной.
За мною тень моя ленивая ползла.
Был воздух впереди сухой и беспокойный,
И я не ведала, куда, зачем я шла.*

*И тень свою в тоске спросила я тогда:
— Скажи, сестра, куда идем с тобою?
И тень ответила с насмешкою глухою:
— Я за тобой, а ты, быть может, никуда.*

Первый ее сборничек «Стихотворения» вышел в Москве в 1913 году. Второй в Одессе в 1919-м. Третья книга «От лукавого» выпущена берлинским издательством «Геликон» в 1922-м.

Выйдя в 1914 г. замуж за талантливого и молодого прозаика А. Н. Толстого, Крандиевская после революции оказалась в эмиграции. А после возвращения в Россию стихов почти не писала. Так продолжалось до 1935 г., до ухода Толстого из семьи.

В 1941 г. она осталась в блокадном Ленинграде. Чудом выжила, написала книгу стихов, вероятно, самую страшную и самую высокую книгу блокадной лирики. Набор книги был рассыпан в 1946 г. после доклада А. Жданова.

Посмертно вышел сборник стихов «Вечерний свет» (Л., 1972), книга мемуарной прозы «Воспоминания» (Л., 1977) и стихотворный томик «Дорога» (М., 1985).

Но шапка-невидимка, чудесно примеренная ею в юности, словно приросла к ее стихам: этих книг просто не заметили. Архив Крандиевской-Толстой хранится у ее сына Д. А. Толстого. Там удалось разыскать ряд неизвестных стихотворений этого нового для нас поэта, чей утаенный подвиг и редкостный лирический дар будут оценены потомством.

Андрей ЧЕРНОВ

* * *

Памяти Скрябина

Начало жизни было — звук.
Спираль во мгле гудела, пела,
Торжественный сужая круг,
Пока ядро не затвердело.

И все оцепенело вдруг.
Но в жилах недр, в глубинах тела
Звук воплотился в сердца стук,
И в пульс, и в ритм вселенной целой.

И стала сердцевиной твердь,
Цветущей, грубой плотью звука.
И стала музыка порукой
Того, что мы вернемся в смерть.

Что нас умчат спирали звенья
Обратно в звук, в развоплощенье.

1916—1955

* * *

Проходят мимо неприявшие,
Не узнают лица в крови.
Россия, где ж они, кричавшие
О милосердии любви?

Теперь ты в муках, ты — родильница.
Но кто с тобой в твоей тоске?
Одни хоронят, и кадельница
Дымит в кошунственной руке.

Другие вспугнуты, как вороны,
И стоны слыша на лету,
Спешат на все четыре стороны
Твою окаркать наготу.

И кто в безумьи прекословия
Ножа не заносил над ней!
Кто принял крик у изголовия

И бред пророческих ночей?

Но пусть. Ты в муках не одна еще.
Благословенна в муках плоть!
У изголовья всех рождающих
Единый сторож есть — Господь.

Октябрь 1917

* * *

Не голубые голуби
Спускаются на проруби
Второго Иордана,—

Слетает вниз метелица,
Колючим вихрем стелется,
Свивает венчик лдяный.

И рамена Крестителя
Доспехами воителя —
Не мехом — сжаты ныне.

Горит звезда железная
Пятиугольной бездною,
Разверстою пустыней.

Над голой кожей зябкою
Лишь ворон черной тряпкою
Взмахнет и отлетает.

Новокрещен морозами,
Дрожит младенчик розовый,
Дрожит и замерзает.

* * *

Рвануло грудь, и подхватило,
Запела гулкая свирель.
Я видела, как уронила
Былые руки на постель.

Я видела, как муж, рыдая,
Сжал тело мертвое мое.
И все качнулось, в свете тая.
Так вот оно — небытие!

Вздохнуть хотела бы — нет дыхания,
Взглянуть хотела бы — забыла взор.
Как шумы вод — земли восклицания,
Как эхо — гонятся вслед рыдания,
Костяшки слов, панихиды хор,
И вопль, как нож: ах, что же это!
Вопль без ответа,
Далеко где-то.

И вот по воздуху, по синему —
Спираль, развернутая в линию,
Я льюсь, я ширюсь, я звеню
Навстречу гулкому огню.
Меня качают звоны, гуды,
И музыки громовой груды
Встречают радостной грозой
Новорожденный голос мой.

* * *

Фаусту прикидывался пуделем,
Женщиной к пустыннику входил,
Простирал над сумасшедшим Врубелем
Острый угол демоновых крыл.

Мне ж грозишь иными приворотами,
Душу испытываешь красотой,
Сторожишь в углах перед киотами
В завитке иконы золотой.

Закипаешь всеми злыми ядами
В музыке, в преданиях, в стихах,
Уязвляешь голосами, взглядами,
Лунным шаром бродишь в облаках.

А когда наскучит сердцу пениться,
Косу расплету ночной порой, —
Ты глядишь из зеркала смиренницей —
Мною, нечестивою, самой.

Апрель 1919. Одесса

* * *

Надеть бы шапку-невидимку
И через жизнь пройти бы так!
Не тронут люди нелюдимку,
Ведь ей никто ни друг, ни враг.

Ведет раздумье и раздолье
Ее в скитаньях далеко.
Неуязвимо сердце болью,
Глаза раскрыты широко.

И есть ли что мудрее, люди,—
Так, молча, пронести в тиши.
На приговор последних судий
Неискаженный лик души!

* * *

Яблоко, протянутое Еве,
Было вкуса — меди, соли, желчи,
Запаха — земли и диких плевел,
Цвета — бузины и ягод волчьих.

Яд слюною пенной и зловонной
Рот обжег праматери, и новью
Побежал по жилам воспаленным
И в обиде божьей назван — кровью.

Июль 1921. Камб

* * *

Такое яблоко в саду
Смущало бедную праматерь,
А я, — как мимо я пройду?
Прости обеих нас, создатель!

Желтей турецких янтарей
Его сторонка теневая,

Зато другая — огневая,
Как розан вятских кустарей.

Сорву. Ужель сильней запрет
Веселой радости звериной?
А если выглянет сосед —
Я поделюсь с ним половиной.

Сентябрь 1921. Камб

* * *

Небо называют — голубым,
Солнце называют — золотым,

Время называют — невозвратным,
Море называют — необъятным,

Называют женщину — любимой,
Называют смерть — неотвратимой,

Называют истины — святыми,
Называют страсти — роковыми.

Как же мне любовь мою назвать,
Чтобы ничего не повторять?

* * *

А я опять пишу о том,
О чём не говорят стихами,
О самом тайном и простом,
О том, чего боимся сами.

Судьба различна у стихов.
Мои обнажены до дрожи.
Они — как жалоба, как зов,
Они — как родинка на коже.

Но кто-то губы освежит
Моей неутоленной жаждой,

Пока живая жизнь дрожит,
Распята в этой строчке каждой.

< 1935 >

* * *

Виноградный лист в моей тетради,
Очевидец дней былых и той
Осени, что в спелом винограде
Разлилась отравой золотой.

Выпито вино того розлива
Уж давно. И гол, и пуст, и чист
Виноградник, где он так красиво
Пламенел, засохший этот лист.

Те стихи, в которые закладкой
Вложен он, — боюсь перечитать.
Запах осени, сухой и сладкий,
Источает старая тетрадь.

ДУХОВ ДЕНЬ

И. А. Бунину

В старом парке, на опушке,
Где простор теснит сирень,
В троекуровской церквушке
Помню службу в Духов День.

Синий ладан сердцу снится,
И от каждого плеча
Запах праздничного ситца,
Крепкий запах кумача.

Дух сирени у распятья,
Жар веселых огоньков,
Баб негнущиеся платья
Из заветных сундуков.

Впереди крахмальный китель,
Бакенбарды, седина, —

Троекурова властитель
Мелко крестит ордена.

Рядом юная хозяйка
Троекурова дворца
Машет ручкой в белой лайке
У надменного лица.

Позади шипят девчатки:
«Срам-то! Что и говорить!
Рази мыслимо в перчатке
Крестно знаменье творить?»

Поливают робким ядом
Валансьены от Дусе.
Лицеист вздыхает рядом,
Отвести не может взгляда
С банта белого в косе.

А над куполом, над ними
В этот жаркий Духов День,
Реет «Иже Херувимы»,
Веет белая сирень.

Старый попик чашу поднял,
Тянут матери ребят,
И пречистого Господня
Тела — первые вкусят.

Храм пустеет понемножку,
И расходится народ.
Бабы, сняв полусапожки,
Переходят речку вброд.

Старый мост скрипит под тройкой,
Бревна ходят ходуном.
Дернул вожжи кучер бойкий
И понесся напролом, —

И ныряет, и взлетает
По проселочной пыли...
В небе жаворонок тает,
Таёт облачко вдали.

Бубенец Валдаем бредит,
Пробираясь сквозь овсы.

Барин с думой об обеде
Чаще смотрит на часы.

А у церкви на опушке
Снова мир и тишина,
И сирень свои верушки
Клонит, в сон погружена.

Отлетает праздник летний, —
Как его ни сторожи.
Был ли Духов День, ответь мне? —
Или снился он, скажи?

* * *

Белой яхты движенья легки,
Ускользящий парус все меньше.
Есть на свете еще чудачки,
Что влюбляются в яхты, как в женщин.

Эти с берега долго глядят
На гонимую ветром Психею,
На ее подвенечный наряд,
На рассыпанный жемчуг за нею...

1940. Заречье

* * *

Затуманил осенний дождь
Берега твои, Терегощ.
И зловеще и похоронно
Против ветра кричит ворона.

Окровавлен рябины лист,
А березовый — золотист.
Только елки, как богомолки,
Почернели, хранят иголки.

Парус штопанный рыбака
Вздуд сырые свои бока.
Мчится — щуку ли догоняет?
Или просто в волнах ныряет?

А в Заречье скрипит забор,
Ветры встретились с двух озер,
Рвут солому, кидают стогом,
Трубят в рог над Николой-Рогом.

Заречье, осень 1940.

* * *

Н. М. Лозинской-Толстой

Дождь льет. Сампсоний-сеногной
Тому виной.
Так учит древняя примета.
У старика одна лишь цель:
Сгноить дождями в шесть недель
Покос бессолнечного лета.

Зато раздолье мухоморам —
Бесстыжим баловням судьбы.
Тучнеют, пучатся грибы.
В лесу, в лугах, по косогорам —
Везде грибы. Готовьте кадки,
Хозяйки! Рыжик, жирный груздь
Кладите в соль в таком порядке:
На дно укроп, чеснок, и пусть
Покроет сверху лист смороды
Дары роскошные природы.

Но все же, без тепла, без света,
Дождем завесясь, как фатой,
Грустит заплаканное лето,
Глядит казанской сиротой.

А ты? Готова ты отдать
Все рыжики и все засолы
За день горячий и веселый,
Когда гудят над лугом пчелы,
Сбирая меда благодать.

Но не допустит беззаконий
Упрямый дедушка Сампсоний!
Все шесть недель кропит дождем
(Права на то имея свыше),
Бубнит, бубнит, долбит по крыше,

А мы погоды ждем и ждем.

А вечерами на деревне
Старухи, сидя на бревне,
Приметою стращают древней:
Грибное лето — быть войне.

Август 1940. Заречье

В ОСАДЕ

Сыну моему Мите посвящаю

Недоброй славы не бегу.
Пускай порочит тот, кто хочет,
И смерть на невском берегу
Напрасно карты мне пророчат.

Я не покину город мой,
Венчанный трауром и славой,
Здесь каждый камень мостовой —
Свидетель жизни величавой,

Здесь каждый памятник воспет
Стихом пророческим поэта,
Здесь Пушкина и Фальконета
Вдвойне бессмертен силуэт.

О память! Верным ты верна.
Твой водоем на дне колышет
Знамена, лица, имена, —
И мрамор жив, и бронза дышит.

И променять за бытие,
За тишину в глуши бесславной
Тебя, наследие мое,
Мой город великодержавный?

Нет! Это значило б предать
Себя на вечное сиротство,
За чечевицы горсть отдать
Отцовской крови первородство.

1941

* * *

А беженцы на самолетах
Взлетают в небо, как грачи.
Актеры в тысячных енотах,
Лауреаты и врачи.

Директор фабрики ударной,
Зав. треста, мудрый плановик,
Орденосец легендарный
И просто мелкий большевик.

Все, как один, стремятся в небо,
В уют заоблачных кают.
Из Вологды писали: — Хлеба,
Представьте, куры не клюют!

Писатель чемодан каракуль
В багаж заботливо сдает.
А на жене такой каракуль,
Что прокормить их может с год.

Летят. Куда? В какие дали?
И остановятся на чем?
Из Куйбышева нам писали —
Жизнь бьет по-прежнему ключом.

Ну, что ж, товарищи, летите!
А град Петра и в этот раз,
Хотите ль вы, иль не хотите,
Он обойдется и без вас!

Лишь промотавшиеся тресты
В забитых наглухо домах
Грустят о завах, как невесты
О вероломных женихах.

1941

* * *

На салазках, кокон пряменький
Спеленав, везет

Мать заплаканная, в валенках,
А метель метет.

Старушонка лезет в очередь,
Охает, крестясь:
«У моей, вот тоже, дочери,
Схоронен вчерась.

Бог прибрал, и, слава Господу,
Легше им и нам.
Я сама-то скоро с ног спаду
С этих со ста грамм».

Труден путь, далек до кладбища,
Как с могилой быть?
Довезти сама смогла б еще,—
Сможет ли зарыть?

А не сможет — сложат в братскую,
Сложат, как дрова,
В трудовую, ленинградскую,
Закопав едва.

И спешат по снегу валенки,—
Стало уж темнеть.
Схоронить трудней, мой маленький,
Легче умереть.

* * *

Шаркнул выстрел. И дрожь по коже,
Точно кнут обжег.
И смеется в лицо прохожий:
«Получай паек!»

За девицей с тугим портфелем
Старичок по панели
Еле-еле
Бредет.

«Мы на прошлой неделе
Мурку съели,
А теперь — этот вот...»
Шевелится в портфеле

И зловеще мяукает кот.

Под ногами хрустят
На снегу оконные стекла.
Бабы мрачно, в ряд
У пустого ларька стоят.
«Что дают?» — «Говорят,
Иждивенцам и детям — свекла».

* * *

Обледенелая дорожка
Посередине мостовой.
Свернешь в сторону хоть немножко,—
В сугробы ухнешь с головой,

Туда, где в снеговых подушках
Зимует пленником пурги
Троллейбус, пестрый, как игрушка,
Как домик бабушки Яги.

В серебряном обледененье
Его стекло и стенок дуб.
Ничком на кожаном сиденье
Лежит давно замерзший труп.

А рядом, волоча салазки,
Заехав в этакую даль,
Прохожий косится с опаской
На быта мрачную деталь.

* * *

За спиной свистит шрапнель.
Каждый кончик нерва взвинчен.
Бабий голос сквозь метель:
«А у Льва Толстого нынче
Выдавали мервишель!»

Мервишель? У Льва Толстого?
Снится, что ли, этот бред?
Замечает вьюга след.
Ни фонарика живого,
Ни звезды на небе нет.

* * *

Связисты накалили печку,
Не пожалели дров.
Дежурю ночь. Не надо свечку,
Светло от угольков.

О хлебе думать надоело,
К тому же нет его.
Все меньше сил, все легче тело.
Но это ничего.

Забуду все с хорошей книгой,
Пусть за окном пальба.
Беснуйся, дом снарядом двигай,—
Не встану, так слаба.

Пьяна от книжного наркоза,
От выдуманных чувств...
Есть все же милосердья слезы,
И мир еще — не пуст!

* * *

На крыше пост. Гашу фонарь.
О, эти розовые ночи!
Я белые любила встарь,—
Страшнее эти и короче.

В кольце пожаров расцвела
Их угрожающая алость.
В ней все сторит, сторит дотла
Все, что от прошлого осталось.

Но ты, бессонница моя,
Без содрогания и риска
Глядишь в огонь небытия,
Подстерегающий так близко.

Завороженная, глядишь
На запад, в зарево Кронштадта,
На тени куполов и крыш...
Какая глушь! Какая тишь!
Да был ли город здесь когда-то?

* * *

На стене объявление: «Срочно!
На продукты меняю фасонный гроб.
Размер ходовой.
Об условиях точно —
Гулярная, девять». Наморщил лоб
Гражданин в ушанке оленьей,
Протер на морозе пенсне,
Вынул блокнот, списал объявление,
Отметил: «Справиться о цене».
А баба, сама страшнее смерти,
На ходу разворчалась:
«Ишь, горе великое!
Фасо-о-онный еще им, сытые черти.
На фанере ужо сволокут, погоди-ка».

1942

* * *

Смерти злой бубенец
Зазвенел у двери.
Неужели конец?
Не хочу. Не верю!

Сложат, пятки вперед,
К санкам привяжут.
— Всем придет свой черед,—
Прохожие скажут.

Не легко проволочь
По льду, по ухабам.
Рыть совсем уж невмочь
От голода слабым.

Отдохни, мой сынок,
Сядь на холмик с лопатой,
Съешь мой смертный паек,
За два дня вперед взятый.

Февраль 1942

* * *

В кухне крыса пляшет с голоду,
В темноте гремит кастрюлями.
Не спугнуть ее ни холодом,
Ни холерою, ни пулями.

Что беснуешься ты, старая?
Здесь и корки не доищешься,
Здесь давно уж злою карою,
Сновиденьем стала пища вся.

Иль со мною подружилась ты
И в промерзшем этом здании
Ждешь спасения, как милости,
Там, где теплится дыхание?

Поздно, друг мой, догадалась я!
И верна и не виновна ты.
Только двое нас осталось —
Сторожить пустые комнаты.

* * *

Рембрандта полумрак
У тлеющей печурки.
Голодных крыс гопад, —
Взлетающие шкурки.

Узорец ледяной
На стеклах уцелевших,
И силуэт сквозной
Людей, давно не евших.

У печки разговор,
Возвышенный, конечно,
О том, что время — вор,
И все недолговечно.

О том, что неспроста
Разгневали судьбу мы,
Что родина — свята,

А все мы — вольнодумы,

Что трудно хоронить,
А умереть — не трудно...
Прервав беседы нить,
Сирена стала выть
Истошно так и нудно.

Тогда брусничный чай
Разлили по стаканам,
И стала горяча
Кишечная нирвана.

Затихнул разговор,
Сирена выла глуше...
А время, старый вор,
Глядя на нас в упор,
Обкрадывало души.

НОЧЬЮ НА КРЫШЕ

В небе авиаигрушки,
Ни покоя им, ни сна.
Ночь в прожекторах ясна.
Поэтической старушкой
Бродит по небу луна.

И кого она смущает?
Кто вздыхает ей вослед?
Тесно в небе. Каждый знает,
Что покоя в небе нет.
Истребитель пролетает,
Проклиная лунный свет.

До луны ли в самом деле,
Если летчику глаза
И внимание в обстреле
От живой отводит цели
Лунной влаги бирюза?

Что же бродишь, как бывало,
И качаешь опахало
Старых бредней над землей?
Чаровница, ты устала,

Ты помехой в небе стала,—
Не пора ли на покой?

1942

* * *

Идут по улице дружинницы
В противогазах, и у хобота
У каждой, как у именинницы,
Сирени веточка приколотая.

Весна. Война. Все согласовано.
И нет ни в чем противоречия.
А я стою, гляжу взволнованно
На облики нечеловечии.

* * *

Вдоль проспекта, по сухой канавке,
Ни к селу ни к городу цветы.
Рядом с богородицыной травкой
Огоньки куриной слепоты.

Понимаю, что июль в разгаре,
И что полдень жатвы недалек,
Если даже здесь, на тротуаре,
Каблуком раздавлен василек.

Понимаю, что в блокаде лето,
И, как чудо, здесь, на мостовой,
Каменноостровского букета
Я вдыхаю запах полевой.

Лето 1942

* * *

Ты думал: чингисханова печать
Сковала дух воинственный народа,
Иль разучилась Русь повелевать?

На заблуждения такого рода
Огнем орудий надо отвечать.

Нет! Русь жива. Она еще проложит
На Запад непреложные пути.
Кто отклонить, кто преградить их может,
Когда по ним истории идти?

Не потому ль дружинница лица
От свиста пуль не прячет, и старуха
Снаряду вслед псалом бормочет глухо,
Благословляя промысел Творца!

И города торжественный покой
Не потому ли так закономерен,
Что жест Петра — с протянутой рукой
В огонь зари, над бурною рекой
По-прежнему стремительно уверен?

1942

* * *

С детства трусихой была,
С детства поднять не могла
Веки бессонные Вию.
В сказках накопленный хлам
Страх сторожил по углам,
Шорохи слушал ночные.

Крался ко мне вурдалак,
Сердце сжимала в кулак
Лапка выжиги сухая.
И, как тарантул, впотьмах,
Хиздрик вбегал на руках,
Хилые ноги вздымая.

А домовой? А Кащей?
Мало ль на свете вещей,
Кровь ледящих до дрожи?
Мало ль загробных гонцов,
Духов, чертей, мертвецов
С окаменевшею кожей?

Мало ль бессонных ночей

В бреднях, смолы горячей,
Попусту перегорало?
Ныне пришли времена,—
Жизнь по-простому страшна,
Я же бесстрашную стала.

И не во сне — наяву
С крысою в кухне живу,
В обледенелой пустыне.
Смерти проносится вой,
Рвется снаряд за стеной,—
Сердце не дрогнет, не стынет.

Если на труп у дверей
Лестницы черной моей
Я в темноте спотыкаюсь,—
Где же тут страх, посуды?
Руки сложить на груди
К мертвому я наклоняюсь.

Спросишь: откуда такой
Каменно-твердый покой?
Что же нас так закалило?
Знаю. Об этом молчу.
Встали плечом мы к плечу—
Вот он покой наш и сила!

1942

* * *

Этот год нас омыл, как седьмая щелочь,
О которой мы, помнишь, когда-то читали?
Оттого нас и радует каждая мелочь,
Оттого и моложе как будто бы стали.

Научились ценить все, что буднями было:
Этой лампы рабочей лимит и отраду,
Эту горку углей, что в печи не остыла,
Этот ломтик нечаянного шоколаду.

Дни «тревог», отвоеванные у смерти,
Телефонный звонок — целы ль стекла? Жива ли?
Из Елабуги твой самодельный конвертик,—
Этих радостей прежде мы не замечали.

Будет время, мы станем опять богаче,
И разборчивей станем и прихотливей,
И на многое будем смотреть иначе,
Но не будем, наверно, не будем счастливей!

Ведь его не понять, это счастье, не взвесить!
Почему оно бодрствует с нами в тревогах?
Почему ему любо цвести и кудесить
Под ногами у смерти, на взрытых дорогах?

1942

* * *

Майский жук прямо в книгу с разлета упал,
На страницу раскрытую — «Домби и сын».
Пожужжал и по-мертвому лапки поджал.
О каком одиночестве Диккенс писал?
Человек никогда не бывает один.

1942? 1943?

* * *

Свидание наедине
Назначил и мне командор.
Он в полночь стучится ко мне
И входит, и смотрит в упор.
Но странный на сердце покой.
Три пальца сложила я в горсть.
Разжать их железной рукой
Попробуй, мой Каменный Гость.

1943

* * *

Лето ленинградское в неволе.
Все брожу по новым пустырям,
И сухой репейник на подоле
Приношу я в сумерках к дверям.

Белой ночью все зудит комарик,
На обиды жалуется мне.
За окном шаги на тротуаре —
Кто-то возвращается к жене...

И всю ночь далекий запах гари
Не дает забыть мне о войне.

Лето 1943

* * *

А муза не шагает в ногу, —
Как в сказке, своевольной дурочкой
Идет на похороны с дудочкой,
На свадьбе — плачет у порога.

Она, на выдумки искусница,
Поет под грохот артобстрела
О том, что бабочка-капустница
В окно трамвая залетела,

О том, что заросли картошками
На поле Марсовом зенитки
И под дождями и бомбежками
И те и эти не в убытке.

О том, что в амбразурах Зимнего
Дворца пустого — свиты гнезда
И только ласточкам одним в него
Влетать не страшно и не поздно,

И что легендами и травами
Зарос, как брошенная лира,
Мой город, осиянный славами,
Непобежденная Пальмира!

1943

В ГРАНАТНОМ ПЕРЕУЛКЕ

В небе веточка, нависая,
Разрезает луны овал.
Эту лиственницу Хокусая
Синей тушью нарисовал.

Здравствуй, деревце-собеседник,
Сторож девичьего окна,
Вдохновений моих наследник,
Нерассказанная весна!

В эту встречу трудно поверить,
Глажу снова шершавый ствол.
Рыбой, выброшенной на берег,
Юность бьется о мой подол...

* * *

Длинной дорогою жизнь подводила
К э т о м у страшному дню.
Все, что томилось, металось, грешило,
Все предается огню.

Нет и не будет виновных отныне.
Даруй прощенья и мне.
Даруй смиренья моей гордыне
И очищенья в огне.

Февраль 1945

* * *

Давность ли тысячелетий,
Давность ли жизни одной
Призваны запечатлеть мы,—
Все засосет глубиной,
Все зацветет тишиной.

Все сохранится, что было.
Прошлого мир недвижим.
Сколько бы жизнь ни мудрила,
Смерть мне тебя возвратила
Вновь молодым и моим.

* * *

Я вспоминаю берег Трои,
Пустынные солончаки,
Где прах гомеровских героев
Размыли волны и пески.

Замедлив ход, плывем сторонкой,
Дивясь безмолвию земли.
Здесь только ветер вьет воронки
В сухой кладбищенской пыли,

Да в небе коршуны степные
Кружат, сменяясь на лету,
Как в карауле часовые
У древней славы на посту.

Пески, пески — конца им нету.
Мы взглядом провожаем их
И, чтобы вспомнить землю эту,
Гомера вспоминаем стих.

Но все сбивается гекзаметр
На пароходный ритм винтов...
Бинокль туманится — слезами ль?
Дымком ли с дальних берегов?

Ты говоришь: «Мертва Эллада,
И все ж не может умереть...»
И странно мне с тобою рядом
В пустыню времени смотреть,

Туда, где снова Дарданеллы
Выводят нас на древний путь,
Где Одиссея парус белый
Волны пересекает грудь.

* * *

Он придет ко мне, самый страшный час,
Он, быть может, не так уж и страшен.
Вздвогнет пульс, еле слышно, в последний раз,
И заглохнет, навеки погашен.

Что ж! Представить могу, что не буду дышать,
Грудь прикрыв ледяными руками.

Что придут изголовье мое украшать
Обреченными тленью цветами.

И что «Вечную память», в который уж раз,
Возгласит панихидное пенье,
Что оно сыновьям утешенья не даст,—
Да и надо ли им утешенье?

Но понять не могу, не могу, не могу,
Как — незрим, невесом, бестелесен —
Он остынет со мной на могильном снегу,
Тайный жар вдохновений и песен!

1938—1953

* * *

Вещи есть совсем обычные,
Незаметные, привычные,—
И не думаем о них,
Например, вот эта палочка,
Путевод и выручалочка,
Антигона всех слепых,

Мне она отныне спутница,
От любой беды заступница,
Шепчет: «Стой, не торопись,
Осторожно, помаленечку
Отыщи ногой ступенечку
И на ней не оступись!

Я в пути твоём разведчица,
Я за каждый шаг ответчица,
Шарю, шарю впереди...
Здесь ложбинка, здесь — обочина,
Здесь тропа дождем источена,
Ну, а здесь — смелей иди!»

24 февраля 1958

* * *

Яблоко, надкушенное Евой,
Брошенное на лужайке рая,
У корней покинутого древа
Долго пролежало, загнивая.

Звери, убоявшись Божья гнева,
Страшный плод не трогали, не ели,
Не клевали птицы и не пели
Возле кущ, где соблазнилась Ева.

И творец обиженный покинул
Сад цветущий молодого рая
И пески горячие раскинул
Вкруг него от края и до края.

Опустился зной старозаветный
И спалил цветы, деревья, кущи,
Но оставил плод едва заметный,
Яблоко, что проклял Всемогущий.

И пески тогда его накрыли...

1958

* * *

Будет все, как и раньше было,
В день, когда я умру.
Ни один трамвай не изменит маршрута.
В вузах ни один не отменят зачет,
Будет время течь, как обычно течет.

Будут сыны трудиться, а внуки учиться,
И, быть может, у внучки правнук родится

На неделе пасхальной
Яйцо поминальное
К изголовью положат с доверием,
А быть может, сочтут суеверием
И ничего не положат.
Попусту не потревожат.

Прохожий остановится, читая:
«Крандиевская-Толстая».
Это кто такая?

Старинного, должно быть, режима...
На крест покосится и пройдет себе мимо.

1958. *Больница Эрисмана*

* * *

Я во сне отца спросила:
Не тесна ль тебе могила?

Ты, меня опередивший,
Как там, что там? Расскажи!
Мир живущих с миром бывших
На минутку увяжи.

Ты молчишь недоуменно,
Ты поверх меня глядишь,
И становится мгновенно
Очень страшной эта тишь.

Декабрь 1958. Репино

* * *

Так случилось под конец,
Не могли сберечь колец.
Потерялося твое,
Я не знаю, где мое.

Так случилось, так пришлось,—
Мукой сердце извелось.
Стало каменным твое,
И обуглилось мое.

Не ропщи и не зови,
Не вернуть назад любви.
Бродит по свету моя,
Под крестом лежит твоя.

1958. *Репино*

* * *

Поди попробуй придержи!
Здесь я сама себе хозяйин,

Здесь узаконен, не случаен,
Оправдан каждый мой каприз.

Словами властвую. Хочу—
В полет их к солнцу посылаю.
Хочу — верну с пути, и знаю,
Что с ними все мне по плечу.

Туда забрасываю сети,
Где заводи волшебных рыб,
Где оценить улов могли б —
Одни поэты лишь да дети.

Апрель 1959

* * *

Из бесформенной хляби доносится вдруг:
«Вас приветствует старый, давнишний друг.
Может, вспомните дачу на взморье под Ригой,
Вы разучивали в то лето Грига.
И особенно нравилась Вам когда-то
В ми-миноре стремительная соната».

Этот голос врасплох. И в ответ я молчу.
Осторожная память погасила свечу,
И на ночь стало все в этом мире похоже.
И откуда тот голос — неведомо тоже.

25 ноября 1960

* * *

Стрела упала, не достигнув цели,
И захлебнулся выстрел мой осечкой.
Жила ли я? Была ли в самом деле,
Иль пребывала в праздности доселе,—
Ни черту кочергой, ни Богу свечкой,
А только бликом, только пылью звездной,
Мелькнувшей в темноте над бездной?

1960

СОДЕРЖАНИЕ

«Начало жизни было — звук...»	3
«Проходят мимо неприявшие...»	3
«Не голубые голуби...»	4
«Рвануло грудь, и подхватила...»	4
«Фаусту прикидывался пуделем...»	5
«Надеть бы шапку-невидимку...»	6
«Яблоко, протянутое Еве...»	6
«Такое яблоко в саду...»	6
«Небо называют голубым...»	7
«А я опять пишу о том...»	7
«Виноградный лист в моей тетради...»	8
Духов День	8
«Белой яхты движенья легки...»	10
«Затуманил осенний дождь...»	10
«Дождь льет. Сампсоний-сеногной...»	11
В осаде	12
«А беженцы на самолетах...»	13
«На салазках, кокон пряменький...»	13
«Шаркнул выстрел. И дрожь по коже...»	14
«Обледенелая дорожка...»	15
«За спиной свистит шрапнель...»	15
«Связисты накалили печку...»	16
«На крыше пост. Гашу фонарь...»	16
«На стене объявление: «Срочно!..»	17
«Смерти злой бубенец...»	17
«В кухне крыса пляшет с голоду...»	18

«Рембрандта полумрак...»	18
Ночью на крыше	19
«Идут по улице дружинницы...»	20
«Вдоль проспекта, по сухой канавке...»	20
«Ты думал: чингисханова печать...»	20
«С детства трусихой была...»	21
«Этот год нас омыл, как седьмая щелочь...»	22
«Майский жук прямо в книгу с разлета упал...»	23
«Свидание наедине...»	23
«Лето ленинградское в неволе...»	23
«А муза не шагает в ногу...»	24
В Гранатном переулке	25
«Длинной дорогою жизнь подводила...»	25
«Давность ли тысячелетий...»	25
«Я вспоминаю берег Трои...»	26
«Он придет ко мне, самый страшный час...»	26
«Вещи есть совсем обычные...»	27
«Яблоко, надкушенное Евой...»	28
«Будет все, как и раньше было...»	28
«Я во сне отца спросила...»	29
«Так случилось под конец...»	29
«Поди попробуй придерись...»	29
«Из бесформенной хляби доносится вдруг...»	30
«Стрела упала, не достигнув цели...»	30

Наталья КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ

Лирика

Редактор-составитель А. Ю. Чернов

Технический редактор Т. Я. Ковыненкова

Сдано в набор 09.12.88. Подписано к печати 09.02.89. А 08820. Формат 70 × 108¹/₃₂.
 Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
 Усл. кр.-отг. 1,58. Уч.-изд. л. 1,41. Тираж 150000 экз. Заказ № 3505. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
 на издательства ЦК КПСС «Правда», 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.